

PKD

PHILIP K. DICK

THE CRACK IN SPACE

ФИЛИП К. ДИК

ПОРОГ МЕЖДУ МИРАМИ

**МОСКВА
2022**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д45

Philip K. Dick
THE CRACK IN SPACE

Copyright © 1966, Ace Books
Copyright renewed © 1994, Laura Coelho,
Christopher Dick and Isa Hackett
All rights reserved

Фотография автора © Isa Dick Hackett

Дик, Филип К.
Д45   Порог между мирами / Филип К. Дик ; [перевод с английского К. П. Плешкова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с.

ISBN 978-5-04-106480-8

2080 год. Земля перенаселена. Миллионы людей помещены в криогенный сон. Джим Брискин, кандидат в Президенты, ищет решение, которое позволит им проснуться и участвовать в выборах. Это кажется неразрешимой проблемой для политика-популиста, пока случайно не открывают возможность путешествовать к новым мирам. Что ждет человечество за порогом Земли?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-106480-8

© К. Плешков, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

В кабинет Херба Лэкмора вошла молодая пара — черноволосые, смуглые; судя по всему, мексиканцы или пуэрториканцы. Оба явно нервничали.

— Сэр, мы хотим, чтобы нас усыпили, — тихо сказал парень. — Хотим стать гибами.

Лэкмор встал из-за стола и подошел к стойке. Цветных он не любил — ему казалось, что с каждым месяцем в оклендский филиал Департамента общественного благосостояния их приходит все больше. Однако все же обратился к ним нарочито вежливым тоном, рассчитанным на то, чтобы вызвать доверие у клиентов.

— Вы хорошо все обдумали, ребята? Это серьезный шаг — вы можете выпасть из жизни лет на сто. С профессионалами советовались?

Парень сглотнул слюну и, глядя на жену, пробормотал:

— Нет, сэр. Мы сами все решили. Ни она, ни я не можем трудоустроиться, и нас наверняка скоро вышвырнут из общежития. Машины у нас нет, а без нее никуда, даже работу непонятно как искать.

Парню было лет восемнадцать, и Лэкмор отметил, что штаны и куртка на нем армейские. Девушка — невысокая, с длинными волосами, глаза черные, блестящие, а личико почти детское, кукольное — не отводила взгляда от мужа.

— Я жду ребенка! — неожиданно выпалила она.

— Черт бы вас побрал! — не сдержался Лэкмор. — Убирайтесь отсюда немедленно!

Виновато понуриив головы, парень и его жена двинулись к двери, намереваясь выйти на оживленную в это раннее утро улицу центра Окленда.

— Обратитесь к консультанту по абортам! — раздраженно крикнул им вслед Лэкмор.

У него не было никакого желания им помогать, но кому-то ведь все равно придется, учитывая переплет, в который они угодили: судя по всему, живут эти ребята на государственную военную пенсию, а беременность девушки означает автоматическое лишение денежных поступлений.

— А как нам найти консультанта по абортам, сэр? — спросил парень, смущенно теребя рукав помятой куртки.

Опять это невежество темнокожих, против которого бессильны даже постоянные образовательные акции, организуемые правительством. Ничего удивительного в том, что женщины цветных чересчур часто беременеют.

— Открой телефонную книгу, — посоветовал Лэкмор, — на слове «аборт» или «терапия». Потом поищи подраздел «консультации». Понятно?

— Да, сэр, спасибо, — кивнул парень.

— Читать хоть умеешь?

— Да, я ходил в школу до тринадцати лет, — с гордостью ответил парень, и черные глаза заблестели.

Лэкмор вернулся к чтению гомеогазеты — больше он не собирался зря терять время. Ясно, этой парочке очень хочется, чтобы их усыпили. Они лежали бы, законсервированные, в государственном хранилище год за годом, до тех пор пока... Вот только изменится ли когда-нибудь ситуация на рынке труда? Лэкмор очень в этом сомневался, он прожил достаточно долго, чтобы трезво оценивать реальное положение дел, — ему было уже девяносто пять, он принадлежал к сообществу «джерри», представителей старого поколения. Он усыпил уже тысячи людей, большинство из которых были так же молоды, как эта пара, и... тоже темнокожие.

Дверь захлопнулась. Парень с девушкой исчезли столь же тихо, как и появились.

Вздыхнув, Лэкмор снова взялся за статью о бракоразводном процессе Лэртона Д. Сэндса-младшего. На данный момент это было самым сенсационным событием. Как обычно, он начал жадно глотать текст слово за словом.

День начался для Дариуса Петеля с видеофонных звонков — раздраженные клиенты спрашивали, почему их джиффи-скатлеры еще не отремонтированы. Как всегда, Петель успокаивал собеседников, надеясь, что Эриксон уже явился на работу в ремонтную мастерскую фирмы «Джиффи-скатлеры Петеля, продажа и сервис».

Закончив разговоры по телефону, Петель занялся чтением последнего номера «Делового вестника». Он всегда старался быть в курсе экономических новостей и полагал, что эта привычка, наряду с солидным возрастом и немалым состоянием, дает ему право смотреть на подчиненных несколько свысока.

— Что нового? — спросил продавец Стюарт Хэдли, появившись в дверях с магнитной шваброй в руках.

Петель в ответ прочитал заголовок:

ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА
ПРИ ЧЕРНОМ ПРЕЗИДЕНТЕ

Дальше следовало трехмерное изображение Джеймса Брискина. Петель нажал кнопку, и изображение ожило. Кандидат Брискин улыбнулся. Прикрытые усами губы негра дрогнули, и над его головой появился пузырь, заполненный словами, которые он произносил:

«Моей первой задачей станет поиск разумного решения проблемы миллионов усыпленных».

— И выброс всех гибов до единого на рынок труда, — со злостью пробормотал Петель, отпуская кнопку. — Если он действительно этого добьется, нация обречена.

Но это было неизбежно. Рано или поздно должно было наступить время черного президента. Ведь после событий 1993 года цветных стало больше, чем белых.

Петель мрачно перелистал несколько страниц гомеогазеты, желая ознакомиться с последними подробностями скандальной истории Лэртона Сэндса, которые вполне могли бы поправить его настроение, подпорченное известиями из мира политики. Речь шла о сенсационном бракоразводном процессе знаменитого трансплантолога с его не менее знаменитой женой Майрой, консультантом по абортam. Начали всплывать всевозможные пикантные подробности, причем обе стороны обвиняли друг друга. Судя по тому, что писали гомеогазеты, у доктора Сэндса появилась любовница, в связи с чем Майра покинула дом, и правильно сделала. Петель подумал, что теперь все это выглядит совсем иначе, чем во времена его молодости, то есть в последние годы двадцатого века. На дворе как-никак 2080 год, и уровень морали, как общественной, так и личной, существенно упал.

«Зачем доктору Сэндсу потребовалась любовница, — думал Петель, — если каждый день над его головой пролетает спутник «Золотые

врата наслаждений»? Говорят, там можно выбрать любую из пяти тысяч девушек...»

Сам Петель никогда не бывал на спутнике Фисбы Ольт. Как большинство людей его возраста, он не одобрял подобные развлечения, считая это слишком радикальным решением проблемы перенаселения. В семьдесят втором представители старшего поколения добились повторного рассмотрения этого вопроса, завалив Конгресс письмами и телеграммами. Но представленный проект закона поддержки не получил... Вероятно, считал Петель, так случилось потому, что большинство конгрессменов сами были не прочь прокатиться на реактивном такси на спутник.

— Если мы, белые, будем держаться вместе... — начал Хэдли.

— Послушай, — прервал его Петель, — те времена уже прошли. Если Брискин знает, что делать с гибами, пусть получает власть. Я лично спать по ночам не могу, думая о всех этих людях, а ведь многие из них еще почти дети, и вот они годами лежат в государственных хранилищах. Только представь себе, сколько талантов пропадает впустую. Это чистой воды... бюрократия! Лишь непомерно раздутое социалистическое правительство могло додуматься до подобного решения. — Он сурово посмотрел на продавца. — Если бы я не обеспечил тебя работой, даже ты мог бы...

— Но я же белый, — тихо проговорил Хэдли.

Продолжая читать гомеогазету, Петель узнал, что в 2079 году спутник Фисбы Ольт заработал миллиард американских долларов. «Неплохо, — подумал он. — Солидный бизнес». Взгляд его упал на изображение Фисбы — платиновой блондинки с небольшим высоким бюстом. Выглядела она потрясающе, как с эстетической, так и с эротической точки зрения. На картинке Фисба подавала гостям текилу с лаймом, что являлось дополнительным стимулом, поскольку текила, получаемая из мескалинового кактуса, давно была запрещена на самой Земле.

Петель нажал кнопку под изображением, и в глазах Фисбы тут же вспыхнули искорки. Она повернула голову, и ее тугой бюст медленно качнулся. В пузыре над головой красавицы возникли слова:

«Проблемы в личной жизни, мистер американский бизнесмен? Сделай то, что рекомендуют многие врачи, — посети мои «Золотые врата»!»

Как оказалось, это была обычная реклама — ноль информации.

— Прошу прощения.

В магазин вошел посетитель. Хэдли двинулся ему навстречу.

«О господи! Неужели скатлер Сэндса еще не починили?» — подумал Петель, узнав клиента, и поднялся с кресла, зная, что только он и никто другой сумеет успокоить доктора Лэртона

Сэндса, который из-за семейных проблем стал в последнее время чересчур требователен и вспыльчив.

— Слушаю вас, доктор, — сказал Петель, подходя к клиенту. — Чем могу помочь?

Можно подумать, он сам этого не знал. У доктора Сэндса хватало заморочек: ему нужно было как-то избавиться от Майры, сохранив при этом любовницу, Кэлли Вэйл, — и джиффи-скатлер был ему крайне необходим. От этого клиента нельзя было просто так отделиться.

Задумчиво теребя пышные усы, кандидат в президенты Джим Брискин неуверенно сказал:

— Похоже, мы зашли в тупик, Сол. Мне следовало бы тебя уволить. Ты пытаешься представить доводы цветных, хотя прекрасно знаешь, что я двадцать лет играл по правилам белых. Честно говоря, мне кажется, что нам повезет больше, если будем искать поддержки у белых, а не у темнокожих. К ним я давно привык и знаю, как с ними обращаться.

— Ошибаешься, Джим, — ответил Солсбери Хайм, руководитель предвыборной кампании Брискина. — Послушай меня внимательно. Те, к кому ты будешь обращаться, — это какой-нибудь до смерти напуганный цветной и его жена. Единственная перспектива для них — стать гибами в одном из государственных храни-

лиц. Они хотят, чтобы их «законсервировали». В тебе эти люди видят...

— Но я чувствую себя виноватым.

— Почему? — спросил Сол Хайм.

— Потому что я фальшивка. Я не могу закрыть хранилища Департамента общественного благосостояния, и ты прекрасно это знаешь. Я дал слово и с тех пор из кожи вон лезу, пытаюсь что-нибудь в этом направлении придумать. Но пока все бесполезно. — Он посмотрел на часы; до выступления оставалось пятнадцать минут. — Ты читал речь, которую написал для меня Фил Дэнвил?

Он полез в туго набитый карман пиджака.

— Дэнвил? — поморщился Хайм. — Я думал, ты от него избавился. Покажи. — Схватив сложенные страницы, он начал их просматривать. — Дэнвил — кретин. Смотри!

Он помахал страницей перед носом Брискина.

— По его словам, ты намерен запретить общение между Штатами и спутником Фисбы. Это же безумие! Если «Золотые врата» будут закрыты, рождаемость подскочит до прежнего уровня. И что тогда? Как Дэнвил собирается решать эту проблему?

— «Золотые врата» аморальны, — помолчав, ответил Брискин.

— Ясное дело, — фыркнул Хайм. — А звери должны носить штаны.

— Нужно придумать что-нибудь более пристойное, чем этот спутник.

Хайм снова углубился в чтение текста речи.

— Он хочет, чтобы ты поддержал допотопную, полностью себя дискредитировавшую технологию орошения планет Бруно Мини. — Он бросил бумаги Джиму Брискину на колени. — Что же ты, в конце концов, собираешься делать? Если выскажешься за возвращение уже испробованного двадцать лет назад и вскоре отвергнутого плана колонизации других планет и предложишь закрыть «Золотые ворота», то, несомненно, добьешься популярности. Вопрос лишь в том, у кого. Скажи мне, пожалуйста, к кому ты будешь обращаться со своей программой?

Он ждал ответа. Брискин молчал.

— Знаешь, что я думаю? — вновь заговорил Хайм. — Для тебя это просто благовидный предлог сдать, послать все к черту. Таким образом ты хочешь избежать ответственности. Ты уже пытался сделать это на съезде, выступив с безумной пораженческой речью. Твои странности приводят всех в замешательство. К счастью, кандидатура Джима Брискина уже выдвинута, и съезд не может ее отозвать.

— В той речи я выразил свои искренние убеждения, — сказал Брискин.

— Что? Ты и впрямь считаешь, что общество обречено из-за перенаселения? В самый

раз для первого в истории цветного президента! — Хайм встал и подошел к окну, глядя на центр Филадельфии, на садящиеся реактивные вертолеты, на потоки автомобилей и толпы пешеходов, появляющихся из дверей небоскребов и исчезающих в них. — Мне кажется, — негромко сказал он, — ты чувствуешь, что общество обречено, поскольку выдвинуло кандидатом негра и, возможно, выберет его своим президентом. Таким образом ты сам себя принижаешь.

— Нет, — ответил Брискин, вытянутое лицо которого оставалось невозмутимым.

— Я скажу, о чем будет твоя сегодняшняя речь, — проговорил Хайм, продолжая стоять спиной к Брискину. — Сперва ты еще раз опишешь свои отношения с Фрэнком Вудбайном, поскольку люди обожают исследователей космоса. Вудбайн — настоящий герой, не то что ты или этот, как там его, — твой соперник. Представитель КДП.

— Уильям Шварц.

Хайм выразительно кивнул.

— Именно. А потом, когда ты наговоришь всякой чуши про Вудбайна и мы покажем несколько фотографий с вами двоими на разных планетах, последует анекдот про доктора Сэндса.

— Нет, — возразил Брискин.

— Почему? Он что, священная корова? Его и тронуть нельзя?